

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Северо-Осетинский государственный университет имени
Коста Левановича Хетагурова»**

З.И. Годизова, Д.В. Габисова

РУССКИЙ ГЛАГОЛ
(учебно-методическое пособие)

Владикавказ 2016

Предисловие

В современном русском языке глагол продолжает оставаться самой сложной и одновременно самой интересной частью речи. Это обусловлено тем, что глагол имеет сложную структуру (состоит из четырёх форм), обладает наибольшим набором грамматических категорий, и сами эти категории отличаются значительным разнообразием и переплетены друг с другом парадигматическими и функциональными взаимосвязями.

Количество часов, отведённых на глагол в курсе морфологии современного русского языка, недостаточно для того, чтобы составить исчерпывающее представление о данной части речи. Это и обусловило выбор русского глагола в качестве предмета для данного учебно-методического пособия.

Пособие состоит из двух частей. В I части пособия предлагаются тематика докладов, методические указания, а также список научной литературы по каждому докладу.

Во II части пособия излагается лекционный материал по аспектологии, разделу грамматики, связанному с наиболее сложной грамматической категорией глагола, – категорией вида.

Темы докладов представлены двумя видами:

- реферативного характера;
- описательного характера.

При работе над докладом реферативного характера студент должен проявить умения работать с научной литературой, систематизировать изученную литературу, исчерпывающим образом представить ту или иную проблему, высказывать собственное мнение по проблеме.

При работе над докладом описательного характера студент, кроме перечисленных выше умений, должен показать также умение работать с языковым материалом (собрать, систематизировать, классифицировать, описать его). При изложении тематики докладов описательного характера не приводится подробного списка литературы по данной проблеме, а лишь дается отсылка к соответствующей теме реферативного характера.

Пособие предназначено для студентов филологического факультета дневной и заочной формы обучения.

Тематика докладов реферативного характера
Тема I. Структура русского глагола как части речи и
его грамматические категории

Цель данного доклада – дать всестороннюю характеристику глаголу как части речи. Необходимо сравнить определение глагола у различных авторов, отметить специфику глагола по сравнению с другими частями речи. Эта специфика заключается в том, что, во-первых, глагол, вместе с существительным, прилагательным и наречием, относится к основным частям речи, частеречные значения которых (предметность, качество, вторичный признак) также являются грамматическими, во-вторых, глагол имеет сложную структуру: он состоит из четырёх основных форм, отличающихся большой разнородностью в морфологическом и синтаксическом плане. Необходимо сравнить узкое и широкое понимание глагола. Широкое понимание глагола является традиционным и представлено в работах Г.П. Павского, И.И. Давыдова, Ф.И. Буслаева, А.А. Шахматова и т.д.

Узкое понимание глагола предполагает выведение неличных форм глагола (вербоидов) из системы глагола. При этом они либо считаются особыми частями речи (А.М. Пешковский; Д.Н. Овсянко-Куликовский; Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов; М.В.Панов); либо вводятся на правах разновидностей в состав других частей речи: причастия и деепричастия – в прилагательные и наречия (В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, Л.А. Булаховский), причастия – в прилагательные (Е.А. Иванникова, Л.З. Зайцев).

Далее необходимо представить некоторые новые концепции трактовки глагола:

1) концепция, разграничивающая личные формы глагола и неличные и (в этом и состоит её сущность) усматривающая в последних явление функциональной транспозиции глагола (Русская грамматика. – Прага, 1979);

2) теория репрезентации, выдвинутая А.И.Смирницким на материале английского языка и применённая к русскому языку в Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: 118, в Буланин 1976: 102 и (наиболее подробно) в Буланин 1983.

Учение о репрезентации исходит, во-первых, из того, что глаголу свойственно противопоставление личных и неличных форм (тем самым вхождение вербоидов в систему глагола предполагается обязательным), и во-вторых, из того, что значение действия каждой из основных форм передаётся специфически: в наиболее чистом, "беспримесном" виде – личными формами, с дополнительными семантическими нюансами – вербоидами. Л.Л. Буланин определяет категорию репрезентации как весьма специфическую грамматическую категорию глагола, отражающую формальное (морфолого-синтаксическое) и содержательное противопоставление в его системе личных форм и вербоидов (Буланин 1986). Докладчику необходимо высказать собственное мнение о системе глагола.

В докладе должна быть представлена краткая характеристика грамматических категорий глагола, их представленность в различных глагольных формах.

Литература

1. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. – М.-Л., 1935. – 356 с.
2. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
3. Буланин Л.Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания: Теория и практика. – Л., 1983. – С.94-115.
4. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – 86 с.
5. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – Киев: Радянська школа, 1952. – Т. I. – 446 с.

6. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 281 с.
7. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
8. Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. – М., 1964. – 185 с.
9. Грамматика русского языка. – Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 720 с.
10. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с. [Гр.-70].
11. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. – СПб.: Тип. Академии наук, 1853. – 497 с.
12. Зайцев Л.З. Синтаксис полных страдательных причастий в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1972. – 22 с.
13. Иванникова Е.А. О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М., 1974. – С.297-304.
14. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: В 2 ч. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.
15. Карцевский С.И. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 218-230.
16. Кузьмина Н.А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени: учеб. Пособие. – М.: Флинта, Наука, 2013. – 256 с.
17. Морфология: В 2 ч. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.
18. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 640 с.
19. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб.: Издание И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. – 313 с.

20. Павский Г.Н. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3: О глаголе. – СПб.: Типография РАН, 1842. – 239 с.
21. Панов М.В. О частях речи в русском языке // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 3-14.
22. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз. – 1956. – 511 с. 8-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 432 с.
23. Русская грамматика. Ч.1. – Praha, 1979. – 664 с.
24. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
25. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
26. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. II. Словообразование, морфология. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
27. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство НАРКОМПРОСА РСФСР, 1941. – 620 с.; М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.
28. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. – М.: Учпедгиз, 1957. – 187 с.

Тема II. Причастие как особая форма глагола

В данном докладе следует показать специфику причастий как особой глагольной формы. Вербюиды, вербалии, формы глагольной словоизменительной транспозиции представляют собой глагольные формы, может быть, в некотором отношении ограниченные, даже "ущербные". Цель данного доклада – проследить, в чём заключается эта ущербность (очевидно, в ограниченном наборе грамматических глагольных категорий; в сочетаемости семантики процесса с семантикой адъективности, в специфической синтаксической функции).

Литература

1. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.:

Высшая школа, 1972. – 616 с.

2. Грабье В. О полупредикативной конструкции и второстепенной предикации // Языкознание в Чехословакии. – М., 1978. – С. 232-255.
3. Жеребков В.А., Левитов Ю.Л. Об атрибутивных причастиях русского и немецкого языков // Вопросы германской филологии. – Калинин, 1976. – Вып.3. – С. 36-45.
4. Зайцев Л.З. Синтаксис полных страдательных причастий в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1974. – 23 с.
5. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. – М., 1982.
6. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958-1977. – Т.1- 4.
7. Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1981.

Тема III. Деепричастие как особая форма глагола

Как и в предыдущем докладе, в данном сообщении следует выявить специфику деепричастия, показать его общие черты с глаголом и наречием, остановиться на своеобразии проявления глагольных грамматических категорий в деепричастиях (как известно, в деепричастиях вид и время совпадают, а время деепричастий может быть охарактеризовано скорее как относительное, чем абсолютное; интересен вопрос о наличии у деепричастий форм страдательного залога). Следует показать неоднородность деепричастий в смысловом отношении: одни из них в большей степени обладают семантикой процесса (*он сидит, читая книгу* – *он сидит и читает книгу*); другие деепричастия приближаются по своим функциям к обстоятельству образа действия и являются менее глагольными; очевидно, именно эти деепричастия более близки наречиям (*он сидит, подперев щеку рукой*). См. теорию репрезентации [Буланин 1986; Волоцкая, Молошная, Николаева 1964; Смирницкий 1959].

Литература

1. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – 86 с.
2. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
3. Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. – М., 1964. – 185 с.
4. Грабье В. О полупредикативной конструкции и второстепенной предикации // Языкознание в Чехословакии. – М., 1978. – С. 232-255.
5. Дерibas Л.А. Видовременные значения деепричастий в современном русском языке // Русский язык в школе, 1954. – № 5. – С. 1-7.
6. Дмитриева Л.К. Деепричастие и обособление обстоятельств // Функциональный анализ грамматических единиц. – Л., 1980. – Вып. 3.
6. Одинцова М.П. О временных значениях деепричастия // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – Кемерово, 1974. – Вып. 2. – С. 42-55.
7. Савина В.М. О соотношении деепричастного и глагольного действий в осложнённых предложениях // Русский язык в школе, 1974. – № 5. – С. 30-36.
8. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с.
9. Черемисина М.И. Деепричастие как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем: Сборник научных трудов. – Новосибирск, 1977.

Тема IV. Проблема адъективации причастий

Процесс перехода причастий в прилагательные приобретает в настоящее время массовый характер. Критерии разграничения причастий и прилагательных продолжают оставаться зыбкими. Среди учёных нет единого понимания самого процесса адъективации причастий. Если оставить в стороне крайнюю точку зрения, провозглашающую причастия прилагательными и тем самым снимающую саму проблему адъективации [Зайцев 1974; Иванникова 1974], то можно говорить о двух подходах к

причастиям:

1) согласно широкому пониманию причастий адъективация – это приобретение причастиями некоторых адъективных значений, не приводящее к появлению новых слов – прилагательных [Лопатин 1966; Виноградов 1972; Калакуцкая 1971; Сазонова 1971, 1975];

2) адъективация рассматривается как процесс утраты причастиями глагольных грамматических категорий, в результате чего причастия переходят в разряд отпричастных прилагательных. Эта точка зрения соответствует узкому пониманию причастий и представлена в работах Буланина [Буланин 1976, 1986].

Докладчику следует изложить различные точки зрения на процесс адъективации причастий и высказать своё мнение по данной проблеме, обосновав его.

Литература

1. Бахарев А.И. Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1972. – 23 с.
2. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
3. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – 86 с.
4. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
5. Иванникова Е.А. О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М., 1974. – С. 297-304.
6. Иванова В.Ф. К вопросу о соотношении причастий и прилагательных в современном русском языке (причастия и прилагательные с суффиксом -м-) // Учёные записки ЛГУ, 1955. – № 180. – Вып. 21. – С. 75-88.
7. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. – М.: Наука, 1971. – 227 с.

8. Лопатин В.В. Адъективация причастий в её отношении к словообразованию // Вопросы языкознания, 1966. – №5. – С. 37-47.
9. Лукин М.Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1965. – 20 с.
10. Осенмук Л.П. О разграничении страдательных причастий прошедшего времени и омонимичных глагольных прилагательных // Русский язык в школе, 1977. – № 2. – С. 12-18.
11. Сазонова И.К. Семантический фактор формирования вторичного лексического значения слова // Вопросы языкознания, 1971. – № 6. – С. 99-108.
12. Сазонова И.К. Причастия в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // Вопросы языкознания, 1975. – № 6. – С. 87-99.
13. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы (толково-грамматический словарь). – М.: Русский язык, 1989. – 587 с.

**Тема V. Система времён в современном русском языке.
Абсолютное и относительное время. Прямое и переносное
употребление времён**

При раскрытии данной темы следует показать взаимосвязь глагольных категорий времени и вида. И вид, и время связаны с общей идеей времени. Но в категории вида эта идея времени реализуется как внутреннее время действия (вид показывает, как протекает, как распределяется во времени глагольное действие), а в категории времени идея времени представлена как внешнее время действия (ориентация действия по отношению к той или иной точке отсчёта). Таким образом, категория глагольного времени основывается на векторном принципе, т.е. определяется через ту или иную точку отсчёта. Более подробно надо остановиться на характеристике понятия "точка отсчёта". В качестве точки отсчёта, ориентира, может выступать либо момент речи (в этом случае действия осмысляются по отношению к моменту речи как совпадающие с ним, следующие после него или происходящие до него), либо какое-то другое событие (при ориентации времени действия на время

другого действия между ними возникают отношения одновременности, предшествования, следования).

Далее следует дать определение понятиям абсолютное и относительное время. Важно подчеркнуть, что момент речи как точка отсчёта при определении категории глагольного времени признаётся далеко не всеми исследователями. Основанием для этого выдвигается тот факт, что момент речи, связанный с личностью говорящего, всегда субъективен. Необходимо изложить точку зрения А.В. Бондарко по данному вопросу.

Более подробно надо остановиться на характеристике прямого и переносного употребления времён, а также на соотношении общих и частных временных значений.

Литература

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
3. Бондарко А.В. Система глагольных времён в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1962. – №3. – С. 12-18.
4. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
5. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. – 260 с.
6. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
7. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
8. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч.2. – Братислава, 1960. – С. 419-469.
9. Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1962. – №3. – С.12-
10. Ломов А.М. К проблеме функционального взаимодействия категорий

вида и времени в русском языке // Развитие и функционирование русского глагола. – Волгоград, 1980.

11. Ломов А.М. Временные формы русского глагола и закономерности их функционирования // Русский язык за рубежом, 1982. – №3. – С.70-76.

12. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М.: Наука, 1971.

Тема VI. Традиционная теория абсолютного и относительного времени и теория синтаксического индикатива и релятива

В данном докладе сначала следует изложить традиционную теорию абсолютного и относительного времени. Классическая теория абсолютного и относительного времени сложилась в западноевропейском языкознании в XIX веке и представлена в трудах Р. Грасри и К. Бругмана. В настоящее время она является преобладающей [Бондарко 1971, Золотова 1973 и другие]. В работах А.В. Бондарко представлена конкретизация и углубление традиционной теории абсолютного и относительного употребления времён.

Наряду с классической теорией абсолютного и относительного времени существует теория, разграничивающая абсолютное (индикативное) и относительное (релятивное) употребление времён в связи с двумя планами речи: планом коммуникации и планом информации. Теория синтаксического индикатива и релятива была выдвинута А. Беличем. К русскому языку эта концепция впервые была применена Н.С. Поспеловым и получила дальнейшее развитие в работах Г.А. Золотовой, А.М. Ломова, З.А. Тураевой. Следует уделить особое внимание особенностям употребления времён в двух планах речи: в плане коммуникации и в плане информации.

Литература

1. Бондарко А.В. Вопросы глагольного времени на IV международном съезде славистов // Вопросы языкознания, 1959. – № 3. – С. 12-19.
2. Бондарко А.В. Об относительном и абсолютном употреблении времён в русском языке // Вопросы языкознания, 1965. – № 6. – С. 24-36.

3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
5. Ломов А.М. Временные формы русского глагола и закономерности их функционирования // Русский язык за рубежом, 1982. – № 3. – С. 70-76.
6. Милейковская Г.М. О соотношении объективного и грамматического времени // Вопросы языкознания, 1956. – № 5. – С. 18-26.
7. Поспелов Н.С. Учение А.Белича о синтаксическом индикативе и релятиве // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. – М., 1947. – Вып. 3. – С. 17-24.
8. Поспелов Н.С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке // Сборник статей. – М., 1955. – С. 206-246.
9. Поспелов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1966. – № 2. – С. 17-29.
10. Тураева З.Я. Время грамматическое и время художественное. – М.: Высшая школа, 1979. – 219 с.
11. Шмелёв Д.Н. Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола // Русский язык в национальной школе, 1960. – № 6. – С. 3-11.

Тема VII. Таксис. Хронологические отношения вне таксиса

При характеристике таксиса надо иметь в виду, что он был выделен Р. Якобсоном, который разграничил и понятия зависимого и независимого таксиса [Якобсон 1972]. Наиболее детальное описание таксиса дано А.В. Бондарко [Бондарко 1985]. Особое внимание следует обратить на то, что таксис и относительное время – понятия не тождественные, о соотношении таксиса и относительного времени подробно писал Ю.С. Маслов [Маслов 1983]. А.В. Бондарко вводит критерий разграничения таксисных и внетаксисных временных отношений (тождество временного периода)

[Бондарко 1985].

В докладе необходимо обратить внимание на то, что, хотя само понятие "таксис" является сравнительно новым, временные отношения между действиями, составляющие содержание таксиса, были объектом внимания учёных давно, выделение и описание функционально-семантического поля таксиса представляет лишь новую ступень в изучении этих временных отношений.

Литература

1. Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. К определению значения зависимого таксиса в русском языке (на материале конструкций с деепричастиями) // Функциональные аспекты грамматики русского языка. – Тарту, 1985. – С. 44-60.
2. Бондарко А.В. О таксисе (на материале русского языка) // Zeitschrift für Slawistik, 1985. – Bd. 30. – № 1. – P. 3-16.
3. Вяльсова А.П. Типы таксисных отношений в современном русском языке: (на материале причастных конструкций): Автореф. дис. ... канд филол. наук. – М., 2008. – 25 с.
4. Габисова Д.В. Структурно-функциональные характеристики системы причастий в русском и осетинском языках: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Владикавказ, 2014. – 23 с.
5. Карташёва И.А. Выражение временных отношений в сложноподчинённом предложении с придаточным определительным: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Л., 1988. – 16 с.
6. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
7. Нуртазина Н.Б. Выражение аспектуально-таксисных отношений в высказываниях с формами прошедшего времени в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Л., 1985. – 17 с.
8. Оркина Л.Н. Выражение значений таксиса в высказываниях с формами

настоящего и будущего времени в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Л., 1984. – 17 с.

9. Полянский СМ. Об универсально-понятийном и конкретно-языковом аспектах в функционально-грамматическом описании поля таксиса // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. – Л., 1988. – С. 12-21.

10. Поташкина Ю.А. К проблеме выражения одновременности действий в русском языке // Учёные записки Тартуского университета, Тарту, 1975. – Вып. 434. – С. 76-88.

11. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с.

12. Храковский В.С. Таксисные конструкции (опыт классификации) // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции.– СПб, 2001. – С.109-112.

13. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. – М., 2003. – С. 32-54.

14. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. – М., 1972. – С.95-114.

Тема VIII. Категория вида. Общие и частные видовые значения

Сообщение следует начать с вопроса о соотношении видовых и временных значений. Затем определить специфику видовых значений, отметив, что вид показывает, как протекает, как распределяется во времени глагольное действие. Особое внимание следует уделить характеристике общего (инвариантного) значения видов, учитывая, что в данном вопросе среди учёных нет единого мнения. В основу инвариантного видового значения разными учёными кладутся разные признаки (длительность, результативность, законченность, предельность, целостность и т.д.). Необходимо осветить все эти концепции и высказать собственное мнение по данному вопросу.

Затем следует дать определение понятию "частное видовое значение" и привести примеры различных частных значений совершенного (СВ) и несовершенного видов (НСВ).

Целесообразно изложить разные точки зрения по вопросу, является ли вид словоизменительной или словообразовательной категорией, а также рассказать о способах образования видовой пары. При этом следует отметить, что имперфективация – это процесс чисто грамматический, предназначенный для видообразования, тогда как перфективация – это процесс словообразовательный, лишь частично служащий для целей видообразования. Говоря о перфективации, необходимо затронуть проблему чистовидовых приставок.

Особо следует охарактеризовать такое явление как "конкуренция видов".

Литература

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. – М.: Наука, 1983. – 113 с.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
4. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания, 1990. – №4. – С. 5-24.
5. Бондарко А.В. Глагольный вид в системе грамматических категорий (на материале русского языка) // Основные проблемы русской аспектологии. – СПб., 2002. – С. 30-44.
6. Мазон А. Вид в славянских языках (Принципы и проблемы). М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 63с.
7. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
8. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

9. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с.
10. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.
11. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. – М., 1972. – С.95-114.

Тема IX. Способы глагольного действия

В данном докладе необходимо дать определение понятию «способы глагольного действия» (СГД или СД), историю разработки вопроса о СГД, изложить широкое и узкое понимание СГД, представить их различные классификации (семантическая; по наличию/отсутствию формальной приметы; по характеру базового глагола – предельного или непредельного). Особо следует подчеркнуть, в чём состоит связь СГД с категорией вида.

Литература

1. Бондарко А.В. Рецензия на книгу: А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, II. – Братислава, 1960 // Вопросы языкознания, 1962. – № 5. – С.137-143.
2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
3. Бондарко А.В. Вид глагола и способы действия в русском языке // Русский язык в национальной школе, 1971. – №2. – С. 6-17.
4. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: В 2 ч. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.
5. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959. – С. 157-312.
6. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

7. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
8. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с.
8. Фетискина М.Д. К проблеме связи способов действия и видовой соотносительности (Группа способов действия со значением интенсивности) // Функциональный анализ грамматических категорий. – Л., 1973. – С.71-91.
9. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.

Тема X. Лексико-семантическая категория предельности-непредельности

Следует также дать историю разработки вопроса о семантической категории предельности-непредельности. Необходимо отметить универсальность данной категории, её наличие в языках разного строя; затем характеризовать специфику русского языка с точки зрения выражения лимитативных отношений, указать, что категория вида и лексико-семантическая категория предельности-непредельности находятся в сложных взаимоотношениях: с одной стороны, в основе грамматической категории вида находится категория предельности-непредельности (таким образом, лимитативные отношения реализуются в рамках жёсткой, обязательной видовой системы); а с другой стороны, категория вида охватила значением целостности/нецелостности сами предельные глаголы (предельные глаголы оказываются разделёнными на два класса: с реальным пределом (типа: *намокнуть*, *постареть*) и с потенциальным пределом (типа: *мокнуть*, *стареть*). Наглядно представить взаимоотношения грамматической категории вида и лексико-семантической категории предельности-непредельности позволяет схема иерархии отношений действия к пределу, представленная А. В. Бондарко [Теория функциональной грамматики 2014].

Литература

1. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
2. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с.
3. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 153 с.
4. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.

Тема XI. Категория залога в современном русском языке

Категория залога является одной из наиболее сложных грамматических категорий глагола. Эта сложность проявляется, в частности, в многообразии проблем, связанных с этой категорией. В современном русском языке концепции залога отличаются друг от друга по нескольким направлениям. В языкознании нет единого общепринятого определения категории залога. Докладчику следует представить имеющиеся мнения по данной проблеме (семантическое, синтаксическое и семантико-синтаксическое определения категории залога).

Разными лингвистами выделяется разное количество форм залога (2, 3, 4 и более залоговых форм).

Формы залога расцениваются неоднозначно: как однородные или как неоднородные.

Дискутируется вопрос о типе оппозиции, образуемой залоговыми формами (активом и пассивом). Одни лингвисты считают залоговую оппозицию привативной (с маркированным членом активом или маркированным членом пассивом), другие – эквиполентной.

Залоговые конструкции (актив и пассив) выражают тождественные смысловые отношения, что закономерно вызывает вопрос о причинах их параллельного функционирования, не является ли пассив избыточным? Поэтому следует подробно остановиться на различиях между активом и пассивом (смысловых, стилистических, коммуникативных).

Необходимо достаточно подробно осветить перечисленные выше проблемы и высказать собственное мнение по каждой из них.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория значения и трактовка категории залога // Проблемы теории грамматического залога. – Л., 1978. – С. 43 - 49.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
3. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
4. Буланин Л.Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. – Л., 1978. – С 197-202.
5. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. – Л.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1986. – 88 с.
6. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
7. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л., 1981.
8. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: В 2 ч. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.
9. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
10. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. – М.: Наука, 1974. – 292 с.
11. Панфилов В.З. Грамматика и логика. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. – 80 с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз. – 1956. – 511 с. 8-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 432 с.
13. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Л., 1991.
14. Фортунатов Ф.Ф. О залогах русского глагола. – СПб.: Тип. Имп. Акад.

наук, 1899.

Тема XII. Современные концепции категории залога

В докладе следует остановиться на некоторых современных концепциях категории залога: выдвинутая в начале 70-х годов универсальная теория залога, позволяющая единообразно описывать формы залога в различных неродственных языках [А.А. Холодович]; теория, представляющая типологию пассивных конструкций [В.С. Храковский]; теория функционально-семантических полей, описывающая ФСП залоговости [А.В. Бондарко].

Необходимо всесторонне осветить эти концепции, показать их достоинства, а так же, возможно, и недостатки каждой концепции.

Литература

1. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1981. – 286 с.
2. Кильдибекова Т.А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском языке//Исследования по семантике. – Уфа, 1984. – С. 8-19.
3. Мельчук И.А., Холодович А.А. К категории грамматического залога // Народы Азии и Африки, 1970. – № 4. – С. 111–124.
4. Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – 288 с.
5. Современные языковые процессы. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003.
6. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Л.: Наука, 1991. – 184 с.
7. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. – Л., 1974. – С. 5-46.
8. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Л., 1991. – С. 141-180.

Тема XIII. Категория наклонения русского глагола. Предикативность. Модальность

Данная тема находится на стыке двух уровней языка: морфологии и синтаксиса. Необходимо представить грамматическую категорию наклонения как средство выражения предикативности и объективной модальности.

В докладе следует охарактеризовать предикативность как ключевой признак предложения, как синтаксическую категорию, определяющую специфику предложения. Средствами формирования предикативности являются грамматические категории наклонения, времени, лица. При помощи категорий наклонения и времени сообщаемое предстаёт как реально осуществляющееся во времени (настоящем, прошедшем или будущем) или же мыслится как нереальное – как возможное, желаемое, должное, требуемое и т.д. Категория лица обозначает отношение субъекта действия к говорящему лицу. Следует более подробно остановиться на характеристике перечисленных глагольных категорий, формирующих предикативность.

Далее необходимо отметить, что понимание предикативности не является однозначным (предикативность рассматривается как универсальный признак любого предложения или же как свойство сказуемого – синтаксического члена двусоставного предложения; в последнем случае "предикативный" значит "сказуемый, характерный для сказуемого").

Необходимо дать представление о семантической категории модальности, об объективной и субъективной модальности, о диапазоне значений и средств выражения двух видов модальности.

Литература

1. Адмони В.Г. Двучленные фразы в трактовке Л.В. Щербы и проблема предикативности // НДВШ. ФН, 1960. – № 1. – С. 35-421.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – М.: Наука, 1976. – 255 с.
4. Бондарко А.В. Теория предикативности В.В. Виноградова и вопрос о языковом представлении времени// Вестник МГУ. – Серия 9. Филология . –

1995. – №4. – С. 105-111.
5. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI-XVII вв.). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 144 с.
  6. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
  7. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. – М.-Л., 1950. – Т. 2. – С. 38-79.
  8. Володин А.П., Храковский В.С. Типология морфологических категорий глагола (на примере агглютинативных языков) // Типология грамматических категорий. – М., 1975. – С. 170-196.
  9. Дешериева Т.И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания, 1987. – №1. – С. 34-35.
  10. Дымарский М.Я. Предикация и предикативность // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. – СПб., 2013. – С. 81-86.
  11. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
  12. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 197 с.
  13. Мещанинов И.И. Глагол. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 197 с.
  14. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания, 1977. – №4. – С. 37-48.
  15. Стеблин-Каменский М.И. О предикативности // Вестник ЛГУ, 1956.– № 20.
  16. Стеблин-Каменский М. И. Предикативность? // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков: Тезисы докладов. – Л., 1971.
  17. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М.: Наука, 1981. – 361 с.

18. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.

19. Цейтлин С.Н. Категория предикативности и ее отношение к высказыванию и предложению // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л., 1975. – С.168-171.

Тема XIV. Категория лица русского глагола

Необходимо представить различные определения категории лица, охарактеризовать ее функции (структурно-согласовательную и семантическую); показать двойственность морфологической структуры категории лица, которая проявляется в наличии синтетического и аналитического способов выражения; представить глаголы с ущербной парадигмой лица. Важно подчеркнуть, что категория лица связана с конкретным речевым актом, это придает ей дейктический характер, подобно грамматической категории времени, поэтому функционирование форм лица в двух планах речи (в плане коммуникации и в плане информации) имеет свои специфические особенности. Далее следует подробно охарактеризовать значения форм лица (прямые, расширительные и переносные). Необходимо представить и категорию безличности, подчеркнуть, что существуют разные степени безличности (собственно безличные глаголы и личные глаголы в безличном значении). Желательно остановиться в докладе на взаимосвязях категории лица с другими глагольными категориями глагола: числом, склонением, видом, временем, залогом, родом.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – М.: Наука, 1976. – 255 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. –683 с.

3. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации/С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 640 с.

4. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
5. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Л.: Наука, 1991. – 184 с.
6. Тупикова Н.А. Формирование категории ин-персональности русского глагола. – Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1998. – 263 с.
7. Юдин А.А. Категория лица глагола в современном русском языке (семантика лица глагола). – Рязань, 1976. – 154 с.

Тема XV. Изучение и описание русского глагола в функциональном аспекте

В данном докладе необходимо кратко описать одну из моделей функциональной грамматики, разрабатываемую А.В. Бондарко и его учениками. При этом следует обосновать актуальность и целесообразность функционального подхода к изучению языка, преимущества функциональной грамматики по сравнению с традиционной.

Затем нужно указать, что данная модель функциональной грамматики предполагает выделение и описание функционально-семантических полей (ФСП). Выделяются следующие поля, связанные с глаголом: аспектуальность, темпоральность, залоговость, модальность, персональность и другие.

Необходимо представить типологию этих полей и краткую характеристику каждого из них.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
4. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001.

– 260 с.

5.Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. – СПб.: Наука, 2003. – 398 с.

6.Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 12-28.

7. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 5-15.

8. Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – 198 с.

9. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.

10.Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Л.: Наука, 1991. – 184 с.

11.Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с.

12.Функциональный анализ грамматических форм и конструкций / Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1988 . – 151 с.

Тематика докладов описательного характера

Тема I. Языковые средства выражения лимитативности (на материале произведений художественной литературы)

Лимитативность – это семантическая категория, объединяющая различные типы отношения действия к пределу, а также поле, охватывающее средства того или иного языка, служащие для выражения указанных отношений.

В докладе следует описать на конкретном языковом материале различные средства выражения лимитативности:

- 1) видовые пары глаголов как грамматическое ядро поля;
- 2) периферийные компоненты – грамматические разряды предельных и

непредельных глаголов и связанные с ними способы действия;

3) лексические обстоятельственные показатели типа *постоянно, совсем, наконец*, а также синтаксические средства выражения лимитативности (см. литературу: тематика докладов реферативного характера, тема № X).

Тема II. Текстовые функции глаголов совершенного и несовершенного вида (на материале произведений художественной литературы)

Как известно, глагольные формы несовершенного вида придают тексту описательность, изобразительность, тогда как глагольными формами совершенного вида осуществляется продвижение сюжета вперёд.

В данном докладе следует описать функции глаголов СВ и НСВ в различных компонентах художественного текста (о структуре художественного текста см. [Маслов Ю.С. Типология славянских видо-временных систем и функционирование форм претерита в "эпическом" повествовании // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л., 1984. – С. 22-42]).

Тема III. Стилистические функции переносного употребления времён (на материале произведений художественной литературы)

Переносное употребление времён характеризуется особой яркостью, что обусловлено противоречием между значением формы и реальными условиями речи.

Существует несколько разновидностей переносного употребления форм времени. В докладе следует остановиться на какой-то одной разновидности (например, настоящем историческом) и описать особенности данного типа переносного употребления. Кроме основной литературы (см. доклады реферативного характера, тема №V), следует использовать учебники по стилистике.

Литература

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.

2. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
3. Кожина А. И. Стилистика русского языка. – М.: Флинта, 2008. – 464 с.
4. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 264 с.
5. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Оникс 21 век, 2001. – 382 с.
6. Тураева З.Л. Темпоральная структура научных и художественных текстов: Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. – М., 1985. – С. 26-39.

Тема IV. Функционирование форм прошедшего времени глагола в плане коммуникации и в плане информации (на материале произведений художественной литературы)

Наряду с классической теорией абсолютного и относительного времени существует теория, разграничивающая абсолютное (индикативное) и относительное (релятивное) употребление времён в связи с двумя планами речи: планом коммуникации и планом информации. Употребление времён в этих двух планах речи сильно различается. В докладе необходимо описать эти различия на примере форм прошедшего времени (см. литературу: доклады реферативного характера, тема № VI).

Тема V. Выражение временных отношений между глагольными формами в конструкциях с деепричастиями (на материале произведений художественной литературы)

В докладе следует описать различные типы таксисных отношений, возникающие между глагольными формами в конструкциях с деепричастиями. Таксисные отношения охватывают как собственно хронологические отношения (одновременность, предшествование, следование), так и иные (например, причинно-следственные) отношения.

При этом нужно иметь в виду, что не любые временные отношения между глаголами можно назвать таксисными, а только те, которые

выделяются в рамках целостного временного периода (см. литературу: доклады реферативного характера, тема № VI)

Тема VI. Синонимика действительных и страдательных конструкций (на материале произведений художественной литературы)

В данном докладе следует сравнить действительные и страдательные обороты и выявить смысловые, стилистические и коммуникативные различия между ними.

Большинство исследователей полагают, что, выражая одни и те же отношения между действием, объектом действия и его субъектом, действительный и страдательный обороты представляют эти отношения с разных сторон: действительный оборот выдвигает на первый план деятеля, в страдательном же обороте в центре внимания находится объект действия. Кроме того, в страдательном обороте, в отличие от действительного, речь идёт не столько о действии, испытываемом предметом, сколько о состоянии предмета, возникающем в результате совершенного действия. В связи с потребностью представить действие то со стороны производящего его деятеля, то со стороны воспринимающего его предмета и существуют в языке два синонимичных оборота (например, Е.А. Иванова-Янковская, Р.А. Маркарян). Другие исследователи считают, что только полный тип страдательных конструкций является синонимом действительного оборота (например, С.Е. Никитина).

К какой точке зрения присоединиться, докладчик решит, описав собственный языковой материал (см. литературу: доклады реферативного характера, тема № XI).

Тема VII. Языковые средства выражения модальности (на материале произведений художественной литературы)

Используя методику функционального анализа, необходимо описать все возможные языковые средства выражения объективной и субъективной модальности (формы наклонения, вводные слова, модальные

частицы, междометия, порядок слов, специальные синтаксические конструкции) (см. литературу: доклады реферативного характера, тема № XIII).

Тема VIII. Особенности переносного функционирования форм лица глагола (на материале произведений художественной литературы)

Категория лица вместе с категорией числа в наибольшей степени способствует созданию наглядности, конкретности изображения действия, от чего зависит и экспрессивная окраска глагольных форм, и специфика их использования в разных стилях речи. Переносное употребление личных форм глагола создаёт разнообразные оттенки в их значении. Задача докладчика – описать эти оттенки, используя конкретный языковой материал (см. литературу: доклады реферативного характера, тема № XIV).

Литература

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
2. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
3. Кожина А. И. Стилистика русского языка. – М.: Флинта, 2008. – 464 с.
4. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 264 с.
5. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Оникс 21 век, 2001. – 382 с.
6. Тураева З.Л. Темпоральная структура научных и художественных текстов: Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. – М., 1985. – С. 26-39.

Тема IX. Стилистическое использование неличных форм глагола (инфинитива, причастия, деепричастия) (на материале произведений художественной литературы)

В данном докладе следует сравнить особенности употребления неспрягаемых форм глагола в разных стилях речи (например, инфинитив

более часто употребляется в научном стиле, менее популярен в художественной речи, так как для художественной речи отвлечённого наименования действия недостаточно и т.п.).

Литература

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
2. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
3. Кожина А. И. Стилистика русского языка. – М.: Флинта, 2008. – 464 с.
4. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 264 с.
5. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Оникс 21 век, 2001. – 382 с.
6. Тураева З.Л. Темпоральная структура научных и художественных текстов: Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. – М., 1985. – С. 26-39.

Спецкурс «Грамматическая категория вида русского глагола»

Тема №1. Аспектология. Сфера аспектуальных значений. Типология аспектуальных значений Краткая история развития аспектуальных воззрений

Аспектология (от лат. *aspectus* – внешний вид, облик и греч. *logos* – слово, учение) – раздел грамматики, изучающий глагольный вид и всю сферу аспектуальности, т.е. видовых и смежных с ними значений. Помимо грамматических видовых и видовременных категорий, аспектология изучает аспектуальные классы глаголов (динамичные/статичные, предельные/непредельные глаголы) и их подклассы (способы глагольного действия), а также компоненты контекста, служащие для выражения аспектуальных значений (неглагольная лексика и средства синтаксиса).

Аспектуальные классы осознавались уже в античном мире (например, у Аристотеля имеется разграничение предельных и непредельных глаголов). Однако более поздние грамматики рассматривали соответствующие глагольные формы как частные подразделения категории времени. Это надолго определило трактовку глагола в западноевропейской традиции и сказалось в русской грамматической науке (ср. 10 времен у Ломоносова).

Термин «вид» встречается уже у Дионисия Фракийского, хотя имеет другое значение (различение первичных и производных слов и некоторые семантические группы имен и глаголов, лишь в части случаев совпадающие со способами действия). В таком же значении термин вид употребляется у М. Смотрицкого [ЛЭС: 47]

Противостояние совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) в славянском глаголе впервые отметили чешские грамматисты XVII века (например, В. Роса) [там же: 48].

В начале XIX века Е. Копитар говорит о СВ и НСВ как о главном грамматическом различии в славянском глаголе. В это же время начинается

разработка учения о виде на материале современного русского языка (И.С. Фатер, А.В. Болдырев, позже Н.И. Греч, К.С. Аксаков, Н.П. Некрасов) [там же: 48].

В 1-ой половине XX века важный вклад в изучение вида русского глагола внесли А. Мазон (впервые описавший систему частных видовых значений), С.О. Карцевский, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов [там же: 48].

Важный этап в развитии аспектуальности был связан с разграничением вида и способов действия, сформулированным на материале польского языка С. Агреллем [1908].

Многие проблемы русской и славянской аспектологии разработаны с конца 40-х годов XX века и в последующие десятилетия: выделены аспектуально значимые классы и подклассы глагольной лексики и соответственно семантические типы видовой соотносительности и несоотносительности, в центре внимания исследователей находятся контекстуальные и ситуативные условия реализации отдельных видовых значений, наконец, вводится важное также для общей и сопоставительной аспектологии понятие – функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности.

На материале русского языка исследования проводятся Н.С. Авиловой, А.В. Бондарко, М.А. Шелякиным, Дж. Форсайтом, М. Лейоненом, Ж. Фонтеном, А. Тимберлейком и др.; на материале чешского – Ф. Копеечным и др.; на материале сербско-хорватского – Дж. Грубором; болгарского – Св. Иванчевым, Ю.С. Масловым и др.; на материале старославянского – А. Досталом [там же: 48].

Проводятся исследования по генезису славянского вида (П.С. Кузнецов, И. Немец и др.). Активно ведутся аспектуальные исследования также и в романо-германских языках.

Таким образом, в поле внимания аспектологии находится комплекс проблем, имеющих вид в качестве своего центра, но вид – не единственный

объект аспектологии. В настоящее время широко представлен термин аспектуальность и подобные – модальность, залоговость, персональность. Этот термин принадлежит А.В. Бондарко, который считает целесообразным различать грамматическую категорию и другие средства выражения аспектуальных значений (словообразовательные, лексические, синтаксические).

Сфера аспектуальных значений

Аспектуальные значения наиболее тесно переплетены со значениями темпоральными. Грамматические категории вида и времени – это родственные грамматические категории, соотносящиеся как в содержательном, так и в формальном отношении. И вид, и время связаны с общей идеей времени, но конкретизируется эта идея по-разному в видовых и временных значениях. В значениях темпоральных общая идея времени проявляется как некая локализация действия во времени, ориентация этого действия по отношению к той или иной точке отсчета. В качестве точки отсчета может выступать момент речи, и в этом случае представлено противопоставление трех времен: настоящего (включение момента речи в действие), прошедшего (действие происходит до момента речи), будущего (действие будет происходить после момента речи). Если в качестве точки отсчета выступает время осуществления другого действия, в этом случае говорят об относительном времени, которое реализуется в значениях одновременности, предшествования или следования по отношению ко времени осуществления этого действия. Таким образом, темпоральные значения являются значениями, ориентированными на точку отсчета, их называют иногда дейктическими (указательными). В отличие от темпоральных аспектуальные значения не имеют этой дейктической функции, здесь идея времени представлена как некое внутреннее свойство самого выражаемого действия. А.М. Пешковский писал, что вид показывает, как протекает, как распределяется во времени глагольное действие [Пешковский 1956]. Это нечто внутренне присущее глагольному действию.

Аспектуальные значения отражают ту или иную оценку говорящим глагольного действия с точки зрения протекания и распределения действия во времени, но безотносительно к моменту речи.

Наличие противопоставления вида и времени ставит на повестку дня вопрос о значениях и грамматических явлениях, родственных как виду, так и времени, но не совпадающих ни с теми, ни с другими. Таким явлением, находящимся между видом и временем, является таксис. Термин «таксис» принадлежит Р.Якобсону, ему же принадлежит заслуга разграничения независимого и зависимого таксиса [Якобсон 1972]. Таксис (по Якобсону) характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту, но безотносительно к факту сообщения. Таксис включает в себя собственно хронологические отношения (одновременность, предшествование, следование) и некоторые другие отношения (например, причинно-следственные). В русском языке, по мнению Р. Якобсона, присутствует грамматическая категория таксиса, выраженная деепричастием. Временная сторона таксиса связана с хронологичностью, которая не ориентирована на момент речи, это хронологичность относительного времени, а не абсолютного. Таксис имеет и аспектуальную сторону, она вытекает из того, что взаимодействие глагольных форм опирается на видовую природу этих форм. Например, можно сказать с большой долей вероятности, что ряд форм СВ не будут выражать идею одновременности, в то время как для НСВ идея одновременности является господствующей. Таким образом, в таксисе выступает и аспектуальная природа.

Из других интерпретаций таксиса интерес представляет концепция А.В. Бондарко, который считает таксис особым ФСП, не опирающимся на грамматическую категорию, то есть слабо центрированным.

Таким образом, к сфере аспектуальных значений следует относить не только собственно видовые значения, но и значения временные и таксисные.

Типология аспектуальных значений

Аспектуальные значения можно подразделить на качественные и количественные. Качественная аспектуальность охватывает 3 основные оппозиции: 1) динамика-статика, 2) предельное действие, направленное к внутреннему пределу/действие непредельное, не направленное на достижение внутреннего предела, 3) предельное действие, достигшее своего предела/действие, хотя и направленное к пределу, но рассматриваемое в тот момент, когда предел еще не достигнут (схема Ю.С. Маслова [Маслов 1978: 10]).

Противопоставление динамики и статики отражает преломление в сознании человека самих явлений действительности, которые отражаются в языке. В русском языке это противопоставление не находит своего яркого выражения, это противопоставление прежде всего семантическое. Глаголов состояния в любом языке гораздо меньше, чем глаголов действия. В ряде языков глаголы действия и состояния формально противостоят.

Противопоставление предельное действие/действие непредельное является универсальным для всех языков. В любом языке глагол **мокнуть** будет обозначать предельное действие, а глагол **гулять** – действие непредельное. Предельное действие предполагает какое-то изменение состояния, возникающее в связи с его завершением, причем это одновероятное изменение (**писать письмо**), с другой стороны, в контексте **писать красиво** нет такого изменения, в этом случае глагол **писать** является непредельным. Понятие о предельных и непредельных глаголах было выдвинуто в грамматиках романо-германских языков, в которых отсутствует противопоставление СВ и НСВ. В славянских языках, и в частности, в русском, идея предельности действия осознавалась меньше. О предельности-непредельности писали обычно применительно к общему (инвариантному) значению видов.

Оппозиция достижение/недостижение предела представлена в видовой паре. Достижение предела связано с СВ (а в СВ прежде всего с

прошедшим временем, так как прошедшее СВ показывает действие законченное, менее ясна идея достигнутого предела для будущего времени, так как будущее время обозначает действие, которое только должно совершиться). Действие, не достигшее предела, действие в процессе, действие развертывающееся связано с НСВ.

Еще один элемент качественной аспектуальности – характеристика действия по его фазовой, или фазисной, определенности, то есть фазовость. Фазы – это этапы действия (начало, середина, конец). Выделение конечной фазы действия практически сливается со значением достижения предела (например, *дочитал*), хотя это значение может быть представлено и у глагола НСВ (например, *дочитывает*). Выделение срединной фазы близко подходит, сливается со значением недостижения предела (например, *продолжать*). Начальная фаза менее жестко связана с идеей достижения/недостижения предела (*запеть, разбежаться*).

Количественная аспектуальность характеризует действие или состояние по следующим параметрам: 1) по количеству крат, или прерывности-непрерывности осуществления. По этому признаку выделяются действия однократные (*толкнуть*), многократные, повторяющиеся (*чихать*). С многократностью связана идея ограниченности/неограниченности действия, регулярности/нерегулярности повторения. Сложение регулярности и неограниченности повторения приводит к постоянному действию (*Земля вращается вокруг Солнца*); 2) по степени длительности действие может быть неограниченно-длительным (*жить, ждать*), ограниченно-длительным (*поспать, промечтать*), кратковременным, вплоть до мгновенности (*мелькнуть, блеснуть*); 3) по степени интенсивности действие может быть нормальным, без подчеркнутой интенсивности (*играть*), усиленной интенсивности (*доиграться*), ослабленной интенсивности (*поигрывать*).

Особое место занимает такой элемент аспектуальности, как противопоставление явлений конкретных и абстрактных. Факт конкретный

связан с конкретным событием, ярче всего проявляется на ступени достижения предела; абстрактное действие связано с неопределенностью (*Все, всякий знает, что волки жадны*). Это высказывания обобщенного характера, не предполагающие конкретной ситуации, логическое умозрительное построение, вывод. Противопоставление конкретности/абстрактности связано с оппозицией частных видовых значений: конкретно-фактического и обобщенно-фактического. Конкретно-фактическое – это значение конкретного, определенного, единичного факта (*пришел*), обобщенно-фактическое значение имеет многообразные проявления, выступает в НСВ (*Вы читали эту книгу?*), объект интереса – сам факт, имел он место или не имел, в отвлечении от всякой конкретности, от всяких конкретных свойств действия.

Таким образом, аспектуальность – это совокупность элементов качественной и количественной аспектуальности.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с. [ЛЭС].
2. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л., 1978. – С. 4-44.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001.– 544 с.
4. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. – М., 1972. – С.95-114.

Тема №2. Общее (инвариантное) видовое значение

Инвариант – это абстрактное обозначение одной и той же сущности (одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов (от лат. – неизменяющийся). Под вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, например, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой.

В понятии инварианта отражены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами. Сам инвариант не существует как отдельный объект. Понятие инварианта – классификационное средство упорядочения языкового материала. Инварианты, будучи результатом осмысления и объединения объективных общих свойств разных рядов конкретных единиц, могут быть разной степени абстрактности.

Общее значение – это значение, которое обусловлено самой системой языка, фактом противопоставления данных форм и самим характером этого противопоставления; это такое значение, которое проявляется как частное (т.е. вариантное) в разных контекстах, где выступают формы, образующие противопоставление. Общее значение проявляется в каждом из членов противопоставления, в зависимости от контекста инвариантное значение проявляется как вариантное.

На чем основано противопоставление видов? Существуют разные точки зрения:

1) в основу инвариантного значения кладется понятие длительности/недлительности действия (или длительности/мгновенности). Понятие длительности было широко использовано лингвистами XIX века: Е. Копитар (чешск.), Г. Курциус (нем.), Ф.И. Буслаев [Буслаев 1959], Г.Г. Ульянов [Ульянов 1895]. С этой точки зрения, глаголы НСВ обозначают действие длительное, глаголы СВ – недлительное. Недостатки этой концепции: глаголы СВ легко могут обозначать действие длительное (*Он прожил в этом доме 20 лет*) – контекст показывает, что действие длительное. Есть такие глаголы, которые обязательно требуют обстоятельство со значением длительности (глаголы с приставками *про-* и *по-*, например, *постоял* – обязательно какое-то время).

Вместо с тем глаголы НСВ совершенно необязательно обозначают действие длительное: *Я приходил к вам два раза* (контекст указывает на факт совершения действия, а то, что действие длительное, не явствует из контекста).

В XX веке на понятии длительности/недлительности строил концепцию вида А.М. Пешковский, который считал, что из двух видов только один характеризуется положительно: СВ характеризуется отсутствием длительности, НСВ характеризуется отрицательно по отношению к СВ, у него нет недлительности [Пешковский 2001]. Для вышеуказанных ученых исходным было понятие длительности, для А.М. Пешковского – понятие недлительности.

И.П. Мучник использовал понятие длительности/недлительности, но в сочетании с понятием результативности: НСВ обозначает длительное, нерезультативное действие, СВ – недлительное, результативное [Мучник 1971].

2) В основу общего значения видов кладется признак завершенности, оконченности действия (для СВ), незаконченности, незавершенности (для НСВ). Разделяют эту точку зрения Ф. Миклошич (чешск.), И. Ягич (серб.), Ф.Ф. Фортунатов [Фортунатов 1956]. Эти ученые уточняли, что имеется в виду внутренняя законченность действия, выражаемая видовой основой.

Завершенность может быть только во времени и только в прошедшем времени. Факты, противоречащие этой точке зрения: *Он запел песню* (начал петь) – нет законченности. *Он почитал эту книгу немного* – тоже нет законченности. С другой стороны, *Он жил в этом доме 20 лет назад* – действие законченное, хотя глагол НСВ. *Вы читали эту книгу?* – в подобных контекстах нас интересует, был или не был данный факт, а не законченность/незаконченность действия. Таким образом, эта точка зрения не дает достаточных данных для раскрытия семантики вида.

3) НСВ рассматривается как обозначающий действие в его развитии, течении, продолжении, срединном состоянии; СВ – не находящееся в течении, продолжении. Очень старое определение, восходит к чешскому ученому Вацлаву Роса, его грамматика, опубликованная в 1672 году, интересна разработкой вида [см. Кореšný 1982]. Он первым вводит в славянское языкознание термины СВ и НСВ. СВ обозначает нечто

совершившееся как факт, НСВ – действие только в становлении. Помимо Росы, такую трактовку вида принимал Эмиль Черный (чех, но жил в России), его статья «Об отношении вида русского глагола к греческим именам» была опубликована в 1777 г. [см. Виноградов 1972]. НСВ хотел назвать протяженным, растянутым. Эту точку зрения разделяли видные индоевропейцы: А. Мейе (франц.), Б. Дельбрюк (немец.).

Эта точка зрения объясняет многие случаи употребления НСВ, а СВ остается несколько в тени. Но противоречат ей такие факты: *Вы читали эту книгу?* – нет указания на процесс, просто факт; глаголы настоящего исторического: *Он встает и уходит* – нет действия в процессе, в развитии, здесь факты, сменяющие друг друга. Среди глаголов НСВ есть такие, которые не обозначают становления, развития, например, глаголы отношения: *Камень весит тонну. Дважды два равняется четырем.*

4) В основе общего значения видов – признак результативности: СВ достигает цели, обозначает результативное действие, НСВ – отрицание семантики СВ. Весьма распространена эта точка зрения, отстаивал ее С.О. Карцевский [Karcevskij 1927]. И.П. Мучник рассматривает значения видов как комбинацию значений: НСВ – длительность и нерезультативность; СВ – недлительность и результативность [Мучник 1971]. Это справедливо для большинства случаев, но не является универсальным свойством видов, остается нереализованным в случаях: *Он посидел некоторое время* – подобные действия нерезультативны; в то время как НСВ тоже может не исключать результативность: *Кто писал эту статью?* Еще один аргумент против этой концепции: результативность – это значение одного из СД, даже группы СД, она может быть свойственна глаголам и СВ, и НСВ.

5) Концепция, в основе которой понятие предельности (СВ)/непредельности (НСВ), получила широкое распространение в русской лингвистической традиции, ее поддерживали К.С. Аксаков [1855], Ф.Ф. Фортунатов [1956], Н.А. Некрасов [1865], В.В. Виноградов [1972], С.Д. Никифоров [1952], Н.С. Авилова (автор глав о виде и залоге в Г-70, РГ-

80) [1976]. Эта концепция объединяет все глаголы СВ. При этом говорится о внутреннем пределе. Слово «внутренний» должно показать, что имеется в виду некое качественное свойство, особенность действия, заключенная в природе самого действия. Если добавить «внутренний», возникает определенная трудность – глаголы с приставкой *по-* и *про-* не охватываются понятием внутренний предел; чтобы и эти глаголы включить в значение предельности, надо говорить не о внутреннем пределе, а о пределе вообще (внешний предел – это предел временной). Это толкование видов нерационально, понятие предельности полезно и необходимо для аспектологии, но его нужно использовать в другом случае: предельность – семантическая характеристика действия, может быть нейтральной по отношению к виду (предельными являются и глаголы СВ, и глаголы НСВ). В одном случае СВ обозначает достижение предела, НСВ – устремленность к достижению предела, но оба глагола предельны; им противостоят глаголы НСВ, которые не обозначают устремленности действия на предел, например, глаголы состояния (*спать, висеть, лежать*), отношения (*висеть, зависеть*). Таким образом, предельность сливается с категорией вида, их надо разделить, чтобы предельность работала на вид.

б) Эта точка зрения стоит в стороне, ее выдвинул Эрвин Кошмидер [1962] – его концепция отличается субъективностью, в ее основе лежит отношение вида ко времени, он идет от времени к виду, говорит о том, что существует объективное течение времени, которое представляет собой направление из прошлого в будущее, имеется «я» говорящего. Возможно двоякое отношение между линиями прош.-буд. и «я»:

1) «я» может находиться на линии времени, двигаться вместе с ней. Это движение, при котором «я» движется из прошлого в будущее, Э. Кошмидер считает характерным для семантики НСВ;

2) возникает другой вид соответствия между линией времени и «я»: «я» стоит, поэтому линия времени проходит мимо него, в этом случае имеет место обратное движение – из будущего в прошлое. Оно соответствует

семантике СВ.

Эта концепция остается в стороне от генеральной линии развития аспектологии.

7) Категория вида выражает целостность действия, значение целостности передается глаголами СВ. Идея о целостности как семантике вида возникла еще в XIX веке, постепенно окрепла, получила развитие во второй половине XX века. Впервые ее изложил Э. Черный: НСВ обозначает действие протяженное, СВ – собирательно обозначает действие, как совокупность, сумму в сжатом виде [см. Виноградов 1972].

Л.Н. Размусен более стройно, четко представляет соотношение видов: СВ – действие как одно целое, т.е. начало, середина и конец мыслятся совокупно; НСВ выступает как отрицательный член противопоставления, не обозначает целостности действия [Размусен 1891]. Эта точка зрения получила широкое распространение (чешск. ученые: И. Немец, А. Достал, И. Польдауф; русские аспектологи: Ю.С. Маслов [1984], А.В. Бондарко [1990], М.А. Шелякин [1983]; чешский лингвист русского происхождения А.В. Исаченко [1960]). А.В. Исаченко пытается представить себе наглядно различие СВ\НСВ по отношению к целостности: «Говорящий как бы стоит вне процесса, выраженного глагольной формой, поэтому может обозревать действие как нечто целостное» (СВ). «Говорящий как бы находится в потоке самого процесса, не видя ни его начала, ни конца» (НСВ). (*Человек на трибуне/Человек в колонне*).

И у других авторов есть интересные наблюдения, касающиеся семантики видов:

Э. Кошмидер заметил, что особенность СВ в том, что он не способен давать ответ на вопрос: *что ты делаешь?* Ответ может быть дан только глаголом НСВ, СВ исключается [Кошмидер 1962]. А.М. Пешковский занимает в вопросах о виде другую позицию: инфинитив СВ не может соединяться с глаголами, обозначающими начало, середину и конец действия [Пешковский 2001]. Это наблюдение более явно соотносится с идеей

целостности.

Таким образом, все точки зрения можно объединить в две группы:

1) исходным выступает НСВ (длительность) – отношения простые, СВ выступает со знаком – ;

2) когда за основу берется СВ, семантика НСВ выступает более сложно (НСВ может обозначать действие и незаконченное, и законченное, т.е. НСВ, как правило, не сводится к простому отрицанию значения СВ). Последняя концепция еще более четко показывает асимметрию видов с точки зрения их значений: НСВ здесь не обозначает целостности действия, но вместе с тем и не исключает ее: *Он сидел весь вечер в библиотеке* – длительное действие, есть фазы, нет целостности. *Вчера он два раза приходил ко мне* – действие выступает как некий факт, в нем вычленить фазы невозможно, хотя глагол НСВ – в этих примерах проявляется асимметрия видовой оппозиции, в ней более определенным, ясным членом выступает СВ, который имеет свое положительное значение, обозначает целостное действие, а НСВ выступает как менее определенный член оппозиции, не имеющий своего четкого, ясного положительного значения, его нельзя охарактеризовать только как отрицание СВ. Отсюда следует, что природа видовой оппозиции сложная. Вид – классический пример привативной оппозиции, в ней представлены 2 члена, она бинарна, один член маркированный, сильный, другой – немаркированный, слабый. Маркированный имеет свое положительное значение А; немаркированный – более сложное значение, нейтральное отношение к А, т.е. в каких-то случаях немаркированный член имеет противоположное значение, а в каких-то может обозначать значение маркированного члена. В связи с этим, например, А.А. Спагис считает, что СВ имеет видовое значение, а НСВ передает невидовое значение, называет действие, но способен передавать видовые значения при помощи контекста (контекст выступает как среда) [1961]. Сходна с этой позицией точка зрения А.М. Ломова [1977]:

1) НСВ может обозначать тот же признак, что и СВ (А);

- 2) он может выражать признак противоположного характера (не А);
 3) может вообще быть безразличен к признаку А.

Концепция общего (инвариантного) значения А.В. Бондарко.

А.В. Бондарко выдвинул понятие семантического потенциала вида, который усматривал в совокупности дифференциальных семантических признаков для каждого вида [Бондарко 1971].

Семантич. признаки	Ц.	Проц.	Л.	Д.	Наст.	Посл.	Одн.
СВ	+	–	(–) +	– (+)	(–) +	(–) +	– (+)
НСВ	– (+)	– +	– +	– +	– (+)	– (+)	(–) +

+ признак имеется;

– признак отсутствует;

+

– признак в одних случаях возможен, в других невозможен;

(–)

+ более типично наличие признака;

(+)

– более типично отсутствие признака.

Ц – целостность;

Проц. – процессность;

Л – локализованность действия во времени;

Д – длительность;

Наст. – внезапное наступление действия;

Посл. – последовательность действий;

Одн. – одновременность действий.

Очевидно, что из перечисленных признаков основными, собственно видовыми являются первые два: целостность и процессность.

В более поздних работах А.В. Бондарко склонен определять виды на основе двух признаков: целостности и ограничения действия пределом: «Известное определение значения совершенного вида на основе признака неделимой целостности действия (Целостн.) вполне согласуется с

определением, базирующемся на признаке ограниченности действия пределом (далее Огр.). Рассматриваемые признаки дополняют друг друга, фиксируя близкие, хотя и не тождественные элементы языковой семантической интерпретации характера осуществления действия» [Бондарко 1990:7].

Концепция общего (инвариантного) значения М.А. Шелякина

Главное, что вводит в трактовку видов М.А. Шелякин, – это различие понятий «функциональная модель видов» и «семантическая модель видов» [Шелякин 1983]. Функциональная модель – шире семантической, поэтому, говоря о семантике видов, надо отделить от нее некоторые области, относящиеся к области функционирования видов. По М.А. Шелякину семантика видов не должна включать тех специфических случаев функционирования видов, где они как-то должны различаться. Отсюда он делает вывод: в пределах семантической модели СВ и НСВ представляют собой два равноправных члена с взаимно противоположными значениями.

Аспектуальный признак	Процессуальность	Неограниченная кратность и длительность	Достижение того или иного предела	Исчерпанность
СВ	–	–	+	+
НСВ	+	+	–	–

Следует иметь в виду, что общие (инвариантные) значения – это результат абстрагирования, что в тексте глагольные формы вступают во взаимодействие с конкретными контекстами, в результате чего возникают частные видовые значения. На необходимость исследования частных видовых значений глагола неоднократно указывал Ю.С. Маслов: «Исследуя семантическое содержание славянского глагольного вида, не следует ограничиваться поисками или конструированием «общего значения» или «семантического инварианта». Полезнее обратить внимание на частные видовые значения СВ и НСВ, проявляющиеся в разных типах речевого контекста. Лингвист, проходящий мимо частных видовых значений и их

оппозиций, лишает себя возможности проникнуть в область «подразумеваемого» (...), т.е. добраться до того, что, собственно, «имеет своим высказыванием говорящий» [Маслов 1984: 71]. Частные видовые значения достаточно подробно освещены А.В. Бондарко [Бондарко 1971].

Литература

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Аксаков К.С. О русских глаголах. – М.: Тип. Л. Степановой, 1855. – 47 с.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
4. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания, 1990. – №4. – С. 5-24.
5. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 622 с.
6. Виноградов В.В. «Русский язык. Грамматическое учение о слове». – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
7. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с. [Гр.-70].
8. Исаченко А.В. Русский язык в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч.2. – Братислава, 1960.
9. Карцевский С.И. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 218-230.
10. Карцевский С.О. Из лингвистического наследия. Т. II. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 297 с.
11. Кошмидер Э. О видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. – М., 1962.
12. Ломов А.М. Очерки по аспектологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 140 с.

13. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
14. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. – М.: Наука, 1971. — 300 с.
15. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. – СПб.: В типографии и литографии И. Паульсона и К, 1865. – 313 с.
16. Никифоров С.Д. Глагол: его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 344 с.
17. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001.– 544 с.
18. Размусен Л.И. О глагольных временах и об отношении их к виду в русском, немецком и французском языках // Журнал министерства народного просвещения. М., 1891. – С.401-407.
19. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
20. Спагис А.А. Образование и употребление видов глагола в русском языке. – М.: Учпедгиз, 1961. – 384 с.
21. Ульянов Г.К. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. – Варшава: Тип. Варшавск. уч. окр., 1895. – Ч. II. – 232 с.
22. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. I-II. – М.: Учпедгиз, 1956.
23. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.
24. Kopečný F. K dobrým počátkům české gramatické tradice // Wiener Slawistischer Almanach, 9, 1982. – S. 257–283.
25. Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. – Rozprawy i materiały wydziału I. Towarzystwa przyjaciół nauk w. Wilnie. – Wilno, 1934. – Т. V. – 197-198.

Тема №3 Семантическая категория предельности-непредельности

Само понятие предельности возникло на базе тех языков, где отсутствует грамматическое противопоставление СВ\НСВ. Первое указание на предельность/непредельность (П/НП) было осуществлено немецким лингвистом Ф. Дицом (в середине XIX века) на материале французского языка. Он называл непредельные глаголы неудачным термином – имперфективными, предельные – перфективными. Эти термины намекали на славянский вид. Именно для романо-германских языков стала обязательной характеристикой глагола указание на предельность-непредельность. Что касается славянских языков, в частности, русского языка, возникло общее понятие о предельности, связанное с семантикой вида, но мысль, что в русском языке есть предельные и непредельные глаголы, долгое время не находила себе применения в научной литературе, первым показал соотношение предельных и непредельных глаголов М.А. Шелякин [1983].

Семантическая категория П/НП является универсальной, свойственной всем языкам мира. Ю.С. Маслов отмечает, что, несмотря на разное наименование этой категории, фактически речь идет об одном и том же. В русском языкознании данная категория трактуется обычно с точки зрения направленности/ненаправленности действия к внутреннему пределу, с достижением которого оно прекращается. «Предельные глаголы обозначают такие действия, которые по своей природе предполагают хотя бы в отдаленной перспективе достижение известного предела, кладущего конец действию, непредельные глаголы обозначают действия, не предполагающие по своей природе никакого внутреннего предела, действия, которые могут длиться бесконечно и не содержат в самих себе никаких предпосылок для своего прекращения» [Маслов 1959:197]. Таким образом, категория П/НП связывается с признаком ограниченности/неограниченности осуществления действия во времени.

У одного из основателей учения о П/НП Ф. Дица встречается определение непредельных глаголов (имперфективных) как глаголов, которые обозначают действия, не имеющие цели своего завершения, и

определение предельных глаголов (перфективных) как глаголов, которые обозначают действия, либо ограниченные одним моментом, либо подразумевающие конечную цель [см. Шелякин 1983:157].

В зарубежном языкознании, отчасти и в русском, категория П/НП часто понимается с точки зрения реальной «овеществленности» действия, т.е. говоря словами А. Нурена, с точки зрения того, «ведет ли действие к чему-либо, имеет ли оно перспективу, которая выходила бы за пределы самого действия» [см. Шелякин 1983:157].

Оригинальное определение категории П/НП предложил А.А. Холодович – при истолковании предельных и неопредельных глаголов он вводит понятие «состояние предмета» и «прекращение состояния предмета», обращая внимание на внеязыковые ситуации, возникающие после прекращения предельных и неопредельных действий, т.е. он смотрит на то, что происходит в реальности после прекращения предельных и неопредельных действий [Холодович 1979]. Предельность/неопредельность определяется по признаку одновероятного/разновероятного перехода данного состояния в другое состояние. Если переход данного состояния (после его прекращения) в другое состояние одновероятно предопределен, то такое состояние является предельным или состоянием с одной степенью свободы. Если же переход данного состояния (после его прекращения) в другое состояние равновероятен, не предопределен самим его характером, то такое состояние является неопредельным или состоянием с несколькими либо многими степенями свободы. Хотя автор исходит из реальной ограниченности любого действия, он все же различает в этой ограниченности предопределенную и непредопределенную ограниченность.

Предельные глаголы – выраженное ими состояние будет продолжаться определенное время, затем завершится, вслед за тем наступит новое состояние и притом определенное. Это состояние завершится, после чего его нельзя будет продолжать.

Неопредельные глаголы – выражают состояние, которое может

продолжаться неопределенно долго, и, если оно, наконец, закончится, то на смену ему придет другое состояние, причем любое, в котором может находиться данный предмет.

М.А. Шелякин, отмечая, что обычно категория П/НП рассматривается с точки зрения наличия/отсутствия «внутреннего предела» в развитии действия, считает более правильным (точным) выделение среди предельных глаголов 2-х разновидностей по признаку выражения ограниченности действия: в одной разновидности ограниченность действия связывается с результативно-целевой направленностью действия, в другой – с количественным пределом действия (временным, интенсивным) [Шелякин 1983].

Учение о ФСП лимитативности А.В. Бондарко

Наиболее ценным в концепции А.В. Бондарко является схема иерархии отношения действия к пределу, позволяющая раскрыть характер взаимодействия категории П/НП и категории вида [ТФГ 2014]. Отмечает, что поле лимитативности имеет различный статус в разных языках. В тех языках, где ограниченность/неограниченность действия пределом не имеет статуса грамматической категории, т.е. не опирается на специальную систему грамматических форм, значимость противопоставления П/НП в общей системе отношений действия к пределу повышается. Например, во французском языке П/НП играет доминирующую роль в аспектуальной характеристике действия, какой бы глагольной формой она не выражалась. В немецком языке категориальный семантический признак П/НП стоит на 1-ом месте по значимости среди разных проявлений взаимодействия грамматических форм с элементами семантики глагольных лексем.

В русском языке и других славянских языках лимитативность занимает центральное положение среди других аспектуальных полей, потому что на отношении действия к пределу базируется категория вида.

Структура поля лимитативности

1) категория вида как грамматическое ядро (центр) поля;

2) периферийные компоненты – лексико-грамматические разряды предельных\непредельных глаголов и связанные с ними способы действия (СД); а также лексические обстоятельственные показатели типа *постоянно, совсем, наконец* [ТФГ 2014].

Схема иерархии отношения действия к пределу

1) *Ограниченность/неограниченность действия пределом* – это противопоставление распространено на всю глагольную лексику и на все формы глагола. Сфера *Огр./Неогр.* шире видовых пар любого типа и может быть отнесена к любому СД.

2) *Направленность действия на достижение предела – его реальное достижение* – признак неограниченности в его данной разновидности (*направленность*) включает в себе 2 семантических элемента: а) обозначение действия в процессе протекания; б) направленность процесса на достижение результата. Признак ограниченности выступает как реальное достижение результата. Различие *Направл./Результат* избирательно по отношению к лексике. Лексическое значение глагола должно заключать в себе предпосылки для представления действия в качестве процесса особого рода: с каждым новым моментом протекания процесса связывается его поступательное продвижение к конечному результату. Если в целом противопоставление *Огр./Неогр.* в силу своей всеобщей распространенности и обязательности играет строевую грамматическую роль и далеко не всегда является актуальным для смысла высказывания, то противопоставление *Направл./Результат*, не обладая признаком всеобщности и обязательности, характеризуется актуальной смысловой значимостью. Поэтому данное различие следует рассматривать как смысловое ядро семантики вида.

3) *Наличие/отсутствие любого предела* – как реального (эксплицитного или имплицитного), так и потенциального. Это противопоставление ориентировано на отдельный глагол и на разряды глаголов. Говоря о П/НП глагола, имеется в виду характеристика именно данного глагола (с его

лексическим значением, значением определенного СД и вида), а не характеристика действия вообще [ТФГ 2014].

Предельные глаголы: *садиться, ложиться, вставать, приходиться, приезжать, уходить, худеть, толстеть, пьянеть, намокать, надевать, снимать.*

Непредельные глаголы: *идти, летать, отдыхать, петь, плакать, спать, лаять, бить, читать, есть, делать.*

«Славянские языки, в частности, русский, в грамматической категории вида не повторили и не закрепили полностью категории П/НП, а распространили и на нее (т.е. на категорию вида – Г.З.) общий аспектуальный признак временной перспективности/неперспективности (т.е. Огр./Неогр.), но уже на новой основе – как целостное действие с достигнутым пределом и нецелостное действие с недостигнутым пределом. В этом и заключается глубокое своеобразие, идиоэтничность русской категории вида, которая, с одной стороны, учла лексико-семантическую категорию П/НП, а с другой стороны, охватила значением целостности/нецелостности действия и предельные глаголы» [Шелякин 1983:163].

Литература

1. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959. – С. 157-312.
2. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с. [ТФГ].
3. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – 153 с.
4. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.

Тема №5. Способы действия в поле лимитативности

Понятие способов действия

Способы глагольного действия – это лексические группировки глагола, выделяемые по общности характера протекания действия во времени. СД привлекали внимание исследователей давно [Востоков 1867, Ульянов 1895, Фортунатов 1910, Шахматов 1941, Булаховский 1952]. Впервые они были выделены С. Агреллем, который, однако, рассматривал их безотносительно к категории вида [Агрелль 1962: 35-39]. Неоднородность СД с точки зрения видовой соотносительности была отмечена А. И. Стендером-Петерсеном, который писал, что одни из них допускают образование только СВ, другие – НСВ и СВ [Стендер-Петерсен 1933: 321-334]. Это наблюдение получило развитие у К. Неттеберг, которая выделила СД, безразличные к виду, представленные в обоих видах, и СД, безразличные к виду, представленные в каком-нибудь одном виде [Неттеберг 1953: 72-74].

В настоящее время среди ученых имеются некоторые расхождения в истолковании понятия СД:

1) СД рассматриваются как семантико-словообразовательные группировки глаголов, то есть ограничиваются лишь производными глаголами [Агрелль 1962];

2) СД понимаются прежде всего как семантические разряды глаголов. Эта точка зрения представлена у Ю.С. Маслова [1959], А.А. Потебни [1977]; К. Неттеберг [1953]; Э. Кошмидера [1934]; А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина [1967]; М.А. Шелякина [1977] и др. «...СД нельзя считать словообразовательными категориями, хотя многие СД на самом деле характеризуются теми или иными словообразовательными морфемами. Главное различие между СД состоит не в этих морфемах, а, во-первых, в значении, во-вторых, в особенностях взаимодействия с видом, синтаксического употребления и словообразовательной соотнесенности с другими СД» [Маслов 1959: 187-188].

Широкое понимание сущности СД более предпочтительно, так как позволяет охватить все глаголы.

Ю.С. Маслов неоднократно подчеркивал, что СД важны не сами по себе, а своим взаимодействием с категорией вида [Маслов 1959: 187-188]. Это взаимодействие не только позволяет объяснить видовую дефективность или недефективность глаголов, но и наполняет конкретным содержанием общие и частные видовые значения.

М.А. Шелякин, продолжая развитие идей Ю.С.Маслова, выделяет среди СД две группы:

1) СД, которые показывают общность аспектуальности самих действий «по природе», не выраженной специальными формальными показателями (например, статальный);

2) СД, которые показывают общность аспектуальности адвербиальных проявлений действий, такие СД всегда формально выражены. Первая группа СД непосредственно связана с предметно-понятийными признаками глагола (при изменении предметно-понятийных признаков глагола выражаются разные действия), глаголы второй группы не изменяют предметно-понятийных признаков глагола, являются более самостоятельными, чем первые [Шелякин 1983: 173].

Способы действия и грамматическая категория вида

С грамматической категорией вида СД связаны двояким образом: 1) СД – это семантико-словообразовательная периферия аспектуальности, они наполняют конкретным содержанием общие и частные видовые значения (например, начинательный СД выражает целостность начальной фазы действия, финитивный СД – целостность конечной фазы действия, длительно-ограничительный СД – целостность действия, ограниченного какими-то временными пределами, и т.д.); 2) СД влияют на видовую парность глаголов: видовая пара возможна только в рамках одного и того же СД (например, *петь* – *запеть* – это невидовая пара, потому что *петь* относится к эволютивному СД, *запеть* – к начинательному; *запеть* –

запевать – это видовая пара, потому что оба глагола относятся к одному и тому же СД – начинательному).

Среди СД исследователи выделяют три больших разряда: 1) непарные глаголы НСВ, 2) непарные глаголы СВ, 3) пары соотносительных глаголов и далее ряд более мелких рубрик внутри каждого из этих трех разрядов.

Тенденцию к образованию форм НСВ имеют прежде всего глаголы предельно-результативных СД, например, качественно-результативные СД (*просушить* – *просушивать*, *выбрить* – *выбривать*), все количественно-результативные СД (*подкрасить* – *подкрашивать*, *запилить* – *запиливать*, *надломить* – *надламывать*), все результативно-обстоятельственные (*переписывать* – *переписать*, *предрешить* – *предрешать*, *подготовить* – *подготавливать*) и результативно-интенсивные СД с признаком активности субъекта (*выпросить* – *выпрашивать*, *перекормить* – *перекормливать*) и др. Напротив, остальные СД предельных глаголов, образованных от неопредельных, не всегда представлены видовыми парами. Приставочные начинательные глаголы обычно выступают только в СВ, но среди них встречаются глаголы с признаком результативной инхоативности (ср. *заболеть* – *заболевать*, *загнить* – *загнивать*, *закипеть* – *закипать*), ср. также одновидовой, как правило, усилительно-интенсивный тип глаголов с приставкой *раз-* (*раскричатся*, *разгрустятся*), в котором встречаются парновидовые глаголы (*разгореться* – *разгораться*, *раскинуться* – *раскипаться*) [ТФГ 2014:70-71].

Различные классификации СД:

Существуют различные классификации СД. Семантическая классификация представлена в РГ-1980. В соответствии с этой классификацией выделяются СД: *временные* (начинательный, ограничительный, длительно-ограничительный, окончательный); *количественно-временные* (одноактный, многократный, прерывисто-смягчительный, длительно-смягчительный, сопроводительный);

специально-результативные (обозначающие действия с различными оттенками интенсивности).

Сторонники *формальной* классификации выделяют СД по степени морфемной маркированности: *характеризованные* (морфемно выраженные), *нехарактеризованные* (морфемно невыраженные), *непоследовательно характеризованные* [Бондарко, Буланин 1967]. Большинство СД являются характеризованными, к нехарактеризованным относятся, например, статальный СД (*висеть, сидеть, находиться* и под.), реляционный СД (*принадлежать, состоять, относиться* и под.), эволютивный СД (*беседовать, учиться, гулять* и под.). Непоследовательно характеризованными являются СД, которые могут иметь или не иметь определенную морфемную примету (например, одноактный СД: глагол *кинуть* имеет специальный суффикс *-ну-*, а глагол *бросить* его не имеет, хотя относится к этому же СД).

Некоторые ученые предлагают классификацию СД в зависимости от предельного или непредельного характера базового глагола [Шелякин 1983, ТФГ 2014]. В соответствии с этим выделяются *СД предельных глаголов* (результативные, специально-результативные, терминативно-временные, терминативно-продолжительные, терминативно-интенсивные (и различные СД внутри этих подразделений), одноактный); *СД непредельных глаголов* (реляционный, статальный, эволютивный, постоянно-узуальный, многоактный, итеративные). Последняя классификация характеризуется наибольшей степенью детализации и учитывает семантическую категорию предельности/непредельности, что очень важно, так как последняя лежит в основе как грамматической категории вида, так и в основе способов глагольного действия.

Литература

1. Агрелль С. [О способах действия польского глагола] // Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – С. 35-38.

2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
3. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – Т. I. – Киев: Радянська школа, 1952. – 446 с.
4. Востоков А.Х. Русская грамматика. – СПб.: Тип. Глазунова, 1831. – 408 с.
5. Габисова Д.В. Структурно-функциональные характеристики системы причастий в современном русском и осетинском языках. – Дисс. ...канд. филол. наук. – Владикавказ, 2014. – 229 с.
6. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959. – С. 157-312.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1977. – Т.4. – 406 с.
8. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с. [ТФГ].
9. Ульянов Г.К. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. – Варшава: Тип. Варшавск. уч. окр., 1895. – Ч. II. – 232 с.
10. Фортунатов Ф.Ф. Критический разбор сочинения Г. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» (Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.) // Сборник Отд. русского языка и словесности. – СПб.: Имп. АН, 1897. – Т.64. – №11. – С. 121.
11. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 286 с.
12. Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии // Уч. зап. Тартусского ун-та, 1977. – №2. – Вып. 434. – С. 3-23.
13. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.
14. Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. – Rozprawy i materiały wydziału I. Towarzystwa przyjaciół nauk

w. Wilnie. – Wilno, 1934. – T. V. – 197-198.

15. Netteberg Kr. Etudes sur le verbe polonaise. – Copenhaqu, 1953.

16. Stender-Petersen A. Das russische part. praet. pass. Von imperfektiven Verben // Acta Jutlandica. – 1837. – Vol. 9. – N 1. – S. 397-405.

Тема №4. Общая характеристика семантики и структуры ФСП таксиса

Термин таксис введен Р. Якобсоном. Он же выделил два типа отношений, которые стоят за понятиями зависимого и независимого таксиса. «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту, но безотносительно к самому факту сообщения» [Якобсон 1972: 100-101].

Отношения таксиса давно были предметом внимания исследователей, которые использовали при описании этих отношений другую терминологию (например, относительное время, временная соотнесенность, соотносительное употребление времен и т.д.) [Размусен 1891, Шахматов 1941: 489-490, Пешковский 2001: 139 (1956), Виноградов 1972: 463, Поспелов 1948: 123, Кошмидер 1962: 105-167, Маслов 1959: 157-312, Бондарко 1971: 180-200, Ломов 1977, Шелякин 1983: 100-109 и др.].

Заслуга Р. Якобсона заключается в том, что он четко разграничил категории времени и таксиса (речь идет не только о различии между таксисом и абсолютным временем, но и между таксисом и относительным временем: последний термин, по Р. Якобсону, определяет лишь одну из разновидностей категории таксиса). Кроме того, Р. Якобсон разграничил такие типы отношений, которые стоят за понятиями зависимого и независимого таксиса. Р. Якобсон не сводил таксис к чисто хронологическим отношениям одновременности, предшествования и следования. Сами типы связей между фактами (во времени), в частности, связь сопутствующего факта с главным, оказываются включенными в понятие таксиса. Основное внимание Р. Якобсона было обращено на зависимый таксис.

Важные мысли об отношении таксиса ко времени и виду были высказаны Ю.С. Масловым [Маслов 1978, 1983, 1984]. Значения, объединенные в понятие таксиса, он рассматривает как не являющиеся ни темпоральными в точном смысле слова, ни аспектуальными, но лежащими содержательно как бы между теми и другими. Ю.С. Маслов отмечает, что во многих языках таксис не выступает в качестве особой грамматической категории, а объединяется в рамках одной комбинированной категории либо с временем, либо с видом. Значения одновременности, предшествования, следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм: «Во всех случаях, когда в высказывании присутствует две или более глагольных форм, обладающих видовой семантикой, соответствующие аспектуальные значения неизбежно вступают во взаимодействие и получают таксические признаки одновременность или последовательность во времени – предшествование или следование» [Маслов 1978: 9].

«И вид, и время, и таксис – грамматические категории глагола (и вообще предиката), имеющие дело с идеей времени, которая, однако, преломляется в каждой из этих категорий по-разному... Таксис – категория, характеризующая действие, обозначенное предикатом, с точки зрения его соотношения с другим упоминаемым в данном высказывании или подразумеваемым действием, причем имеется в виду хронологическое соотношение (одновременность – предшествование – следование), но также и противопоставление второстепенного действия главному (ср. в русском языке деепричастия в их отношении к личной форме глагола)» [Маслов 1983: 41-42].

Термин «таксис» в значительной степени условен. Как было показано выше, пользующиеся им исследователи не ограничивают функции таксиса одним лишь обозначением «порядка» действий – это лишь одна из функций данной категории, характеризующейся более сложной семантикой.

Понятие таксиса в значительной степени было уточнено А.В. Бондарко.

«Таксис трактуется нами как выраженное в высказывании значение временного отношения (отношения во времени) между действиями (в широком смысле слова, включая любые репрезентации предикатов) в составе предикативного комплекса, элементы которого относятся к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего). Семантика таксиса включает такие отношения во времени, как а) одновременность, предшествование и следование (собственно хронологические связи), б) связь во времени основного и сопутствующего действий (при возможной неактуализированности указанных выше хронологических отношений), в) связь действий во времени в сочетании с причинными, условными, уступительными, пояснительными, модальными отношениями и т.п.» [Бондарко 1985: 5].

Таксис включает аспектуальную характеристику соотносительных во времени действий. По существу речь всегда идет об аспектуально-таксисных отношениях. «Говоря о предикативном комплексе (см. данное выше определение таксиса), мы имеем в виду понятие, охватывающее а) сочетание основной и вторичной предикации в конструкциях с деепричастиями (а также с причастиями); речь идет о всех конструкциях, включающих основную и вторичную предикацию, б) разные типы полипредикации в сложных предложениях и предложениях с однородными сказуемыми (понятие полипредикации распространяется и на высказывания, представляющие собой сверхфразовые единства)» [Бондарко 1985: 5].

А.В. Бондарко вводит ограничение, связанное с отнесенностью действий к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего): «Необходимость указанного ограничения обусловлена тем, что само понятие «временное отношение между действиями» («отношение действий во времени») предполагает наличие целостной и гомогенной «временной рамки», в пределах которой устанавливаются рассматриваемые связи во времени. Прежде чем говорить о временных связях между действиями, необходимо определить, где, в какой сфере, в каких общих

рамках (с точки зрения отношения к моменту речи) они устанавливаются. Если такой временной рамки нет, то нет и основы для внутренних временных отношений... В высказываниях с деепричастиями тождество временного плана является одним из аспектов сопряженности основного и второстепенного действия. Это единство временного плана сохраняется и в тех случаях, когда действия отделены друг от друга значительным временным интервалом: *Восприняв в детстве эти навыки, он и к концу жизни не утратил их.* Временной план в данном случае охватывает широкий период времени от детства до конца жизни» [Бондарко 1985: 5]. Целостность временного периода предполагает и однородность действий с точки зрения их конкретности/абстрактности (узуальности, типичности, вневременности). По признаку конкретности/абстрактности (или локализованности/нелокализованности) различают действия актуальные (конкретные, единичные), узуальные (обычные, повторяющиеся) и обобщенные (постоянные, абстрагированные от конкретной временной протяженности) [ТФГ 2014: 210-230]. Между однородными с точки зрения конкретности/абстрактности действиями устанавливаются довольно отчетливые временные отношения, а между разнородными действиями на передний план выступают не хронологические отношения, а иные логические отношения. В таких случаях речь идет о сложной контрастной ситуации, объединяющей действия, одно из которых характеризуется признаком локализованности, а другое – нелокализованности [там же: 212].

В пределах таксисных отношений А.В. Бондарко оставляет случаи типа *Он ел и время от времени оглядывался (...оглядываясь).* Хотя одно из действий является единичным, а другое – повторяющимся, А.В. Бондарко полагает, что это повторяемость в рамках конкретной ситуации, ее элементы относятся к одному и тому же временному плану. Но в примерах типа: *Он ел, как едят усталые люди* соотнесены разные ситуации: конкретная и неконкретная (узуальная). Они не отражают единого временного плана и, таким образом, подобные соотношения не относятся к сфере таксисных

[Бондарко 1985: 6].

Рассматривая соотношение таксиса с относительным временем, А.В. Бондарко подчеркивает, что таксис пересекается с относительным временем, но при этом не совпадает с ним: «Когда же мы говорим о таксисе, то, во-первых, речь идет всегда не об одной форме, а о сочетании не менее двух форм, о синтаксической конструкции, во-вторых, сама семантика таксиса не может быть сведена к чисто хронологическим отношениям – имеется в виду широкий спектр отношений во времени, включающих, например, сопряженность главного и сопутствующего действия (в частности, в конструкциях с деепричастием), сочетание хронологических отношений с причинно-следственными, условными, противительно-уступительными, пояснительными, характеризующими и т.п.» [там же: 7]. Он выделяет следующие типы взаимоотношений между ними: относительное употребление форм времени, но не таксис (при нарушении указанного выше критерия); таксис, но не относительное употребление (например, *Да, я с ней сидел все время, пока вы с Катериной Сергеевной играли на фортепиано*, так как оба действия имеют самостоятельную временную ориентацию на момент речи); таксис и относительное время [там же: 7]. Сам А.В. Бондарко подчеркивает, что его трактовка таксиса является «подчеркнуто синтаксической – как с точки зрения синтаксической формы, так и характера анализируемой семантики. Таксис – это всегда отношение» [там же: 8].

А.В. Бондарко представляет таксис как функционально-семантическое поле. К центру независимого таксиса А.В. Бондарко относит:

1) соотношение видовременных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени при участии союзов, а также (в части случаев) лексических элементов типа: *сразу же, в то же самое время* и т.д.; сюда же примыкает соотношение видовременных форм в бессоюзных сложных предложениях типа: *Выйдет Михаил на улицу – сын уже бежит за ним;*

2) соотношение видовременных форм в предложениях с однородными

сказуемыми и в сложносочиненных предложениях при возможном участии лексических элементов типа: *сперва – потом, сначала – а затем* и т.п.; в выражении таксисных отношений участвует и порядок слов.

Периферийное положение занимают:

1) соотношение видовременных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия, причины, следствия, уступки и др., где выражение таксисных отношений является дополнительной функцией, связанной с основной семантической функцией данной конструкции;

2) соотношение видовременных форм в сложноподчиненных предложениях с изъяснительной придаточной частью типа: *Мишка видел, как он рукавом вытирал (ср. вытирает) осунувшееся лицо* [там же: 8].

При определении центральных и периферийных компонентов в поле таксиса он руководствуется критерием наибольшей специализации того или иного языкового средства по отношению к рассматриваемой функции, что обычно связано с категориальным статусом выражаемого значения и регулярностью функционирования данной грамматической единицы [Бондарко 2001: 71].

А.В. Бондарко отмечает, что таксис относится к числу полей полицентрической структуры, т.е. слабо центрированных, опирающихся на некоторую совокупность различных средств, которые не образуют единой гомогенной системы [там же: 8].

В поле зависимого таксиса в качестве центрального компонента он выделяет конструкции с деепричастиями, а в качестве периферийных – конструкции с причастиями и предложно-падежные конструкции типа *при переходе через дорогу, при рассмотрении этого вопроса* в сочетании с основным глаголом-сказуемым [там же: 9].

Обращаясь к периферийным компонентам сферы зависимого таксиса, А.В. Бондарко поясняет статус конструкций с причастиями. Причастные конструкции (типа: *Видны были люди, слушающие (ср. слушавшие) чтеца*) он относит к зависимому таксису потому, что при выражении временной

соотнесенности здесь так же, как и в конструкциях с деепричастием, представлена градация основного и сопутствующего действия, распределение рангов первичной и вторичной предикации. «Речь идет, однако, о вторичной предикации особого рода – связанной с атрибутивными отношениями. Перед нами особый тип зависимого таксиса, отличающийся атрибутивно-предикативной функцией от зависимого таксиса в деепричастных конструкциях. Соотношение вторичной и первичной предикации в причастных конструкциях отличается от той сильной связи сопутствующего и основного действия, которая свойственна конструкциям с деепричастием. В причастных конструкциях речь идет не о главном и сопутствующем действии, а о главном действии-предикате и соотнесенном с ним в высказывании, но не сопряженном непосредственной синтаксической связью атрибуте, включающем отношения вторичной предикации. Атрибутивная связь причастия с существительным, как известно, ослабляет связь вторичной причастной предикации с первичной предикацией основного глагола-сказуемого. Между причастными и деепричастными конструкциями имеются существенные различия с точки зрения степени их специализации по отношению к таксисной функции. Конструкции с деепричастием являются специальной синтаксической формой с категориальным значением зависимого таксиса. Что же касается причастных конструкций, то они не направлены специально на выражение таксисной функции. Их основная функция связана с атрибутивными отношениями. Функция таксиса может сопровождать атрибутивные отношения, но может и отсутствовать. Функционирование причастий далеко не всегда связано с таксисом. Например, в высказывании *Часы, висевшие на стене, теперь валяются в сарае* причастие передает значение прошедшего времени с точки зрения момента речи, соотнесенность с временем основного глагола есть, но это соотнесенность различных времен; здесь отсутствует тождество временного плана, являющееся необходимым признаком отношений таксиса. В таких случаях речь должна идти о разноплановых темпоральных

ситуациях, но не о ситуациях таксисных» [там же: 9].

Из двух указанных периферийных элементов зависимого таксиса, отмечает А.В. Бондарко, конструкции с причастиями представляют собой более регулярное и употребительное средство, но вместе с тем они более обособлены, слабо контактируют с деепричастными конструкциями, т.е. с центром зависимого таксиса. Что же касается конструкций с предложно-падежными сочетаниями, то они ближе к деепричастным конструкциям по сфере функционирования, но имеют частный, ограниченный характер и в этом смысле представляют собой ярко выраженную периферию данной зоны рассматриваемого поля [там же: 10-11].

Отличие зависимого таксиса от независимого А.В. Бондарко видит в том, что соотносимые действия неравноценны: одно из них является главным, а другое – сопутствующим, т.е. один из компонентов предикативного комплекса является носителем несамостоятельной (вторичной) предикации («полупредикации»), сопутствующей предикации основной (полной). Эта несамостоятельность вторичной предикации проявляется в том, что сопутствующее действие не имеет собственной временной ориентации по отношению к моменту речи [там же: 12].

Задавая вопрос, является ли таксис грамматической категорией, А.В. Бондарко отвечает отрицательно, так как грамматическая категория предполагает единство не менее двух противоположных друг другу граммем. В данном же случае такое противопоставление отсутствует [там же: 14].

Исследование таксиса как ФСП, отмечает А.В. Бондарко, предполагает, помимо этапа моделирования структуры поля, особый этап анализа – изучение типовых таксисных структур и их вариативности в речи. Для этого он вводит понятие таксисной ситуации: «...Имеются в виду типовые содержательные структуры, представляющие собой тот аспект передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации, который связан с функцией выражения временных отношений (отношений во времени) между действиями в составе предикативного

комплекса, элементы которого относятся к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего)» [там же: 14]. Он уточняет, что таксисные ситуации всегда заключают в себе единство собственно таксисных и аспектуальных элементов, по существу это всегда аспектуально-таксисные ситуации и лишь условно, имея в виду направленность анализа прежде всего на временные отношения между действиями, можно использовать термин «таксисная ситуация»: «Таксисная ситуация всегда включает синтагматику видов, синтагматику аспектуальности, и наоборот, там, где есть синтагматика видов, всегда присутствует таксис» [там же: 15].

Литература

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
2. Бондарко А.В. О таксисе (на материале русского языка) // *Zeitschrift für Slavistik*, 1985. – Bd. 30. – №1. – P. 3–16.
3. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. – 260 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 600 с.
5. Габисова Д.В. Структурно-функциональные характеристики системы причастий в современном русском и осетинском языках. – Дисс. ...канд. филол. наук. – Владикавказ, 2014. – 229 с.
6. Ломов А.М. Очерки по аспектологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 140 с.
7. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959. – С. 157-312.
8. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л., 1978. – С. 4-44.

9. Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. – Л., 1983. – С. 41-54.
10. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
12. Поспелов Н.С. О значениях форм прошедшего времени на -л в современном русском литературном языке // Уч. зап. МГУ, 1948. – Кн. I. – Вып. 128. – С. 104-126.
13. Размусен Л.И. О глагольных временах и об отношении их к виду в русском, немецком и французском языках // Журнал министерства народного просвещения. М., 1891. – С.401-407.
14. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М., 2014. – 358 с. [ТФГ].
15. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 286 с.
16. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.
17. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. – М., 1972. – С.95-114.
18. Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. – Rozprawy i materiały wydziału I. Towarzystwa przyjaciół nauk w. Wilnie. – Wilno, 1934. – Т. V. – 197-198.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	2
Тематика докладов реферативного характера.....	3-26
Тематика докладов описательного характера.....	26-31
Спецкурс «Категория вида русского глагола».....	32-68
Тема №1. Аспектология. Сфера аспектуальных значений. Типология аспектуальных значений.....	32-38
Тема №2. Общее (инвариантное) видовое значение.....	38-48
Тема №3 Семантическая категория предельности-непредельности.....	48-53
Тема №4. Способы действия в поле лимитативности. Понятие способов действия.....	53-59
Тема №5. Общая характеристика семантики и структуры ФСП таксиса..	59-68